

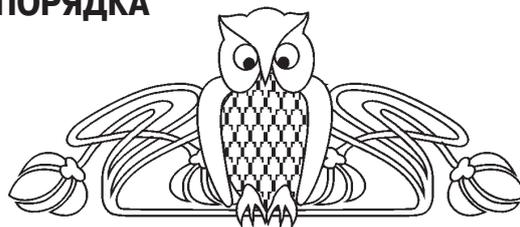
5. Fuchs-Heinritz W. *Biographische Forschung. Eine Einführung in Praxis und Methoden*. Wiesbaden, 2005. 330 p. (Russ.ed.: Fuks-Hainritz V. *Biograficheskiy metod. Biograficheskiy metod v sociologii: istoriya, metodologiya, praktika*. Moscow, 1994, pp. 11–41).
6. Devyatko I. F. *Metody sociologicheskogo issledovaniya* (The methods of sociological research). Moscow, 2002. 295 p.
7. Aarelaid-Tart A. Problemy adaptatsii k novym kulturnym realiyam v zerkale biograficheskogo metoda (The problems of adaptation to new cultural realities through the prism of the biographical method). *Sociologicheskie issledovaniya* (Sociological research), 2003, no. 2, pp. 59–67.
8. Almodovar J.-P. Recits de vie et trajectoires individuelles une confrontation d'echelles d'analyse. *Annales de Vaucresson*, 1987, no. 26, pp. 123–132. (Russ.ed.: Almodovar J.-P. *Rasskaz o zhizni i individualnaya traektoriya: sopostavlenie masshtabov analiza. Voprosy sociologii*, 1992, vol. 1, no. 2, pp. 98–104).

УДК 316.772

ДУХОВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА В ОПЫТЕ РОССИИ И КИТАЯ

Данилов Сергей Александрович –

кандидат философских наук,
доцент кафедры теоретической и социальной философии,
Саратовский государственный университет
E-mail: danilovsa@info.sgu.ru

Статья посвящена влиянию духовных оснований на политический порядок и модернизационное развитие обществ. В центре сравнительного анализа оказывается исторический опыт и перспективы России и Китая. Анализируются религиозные, духовно-нравственные факторы, определяющие структуру политического порядка и его динамические состояния. Определяется, что обществам России и Китая свойственна ориентация на традиционализм, коллективизм, патернализм, религиозность. Данные социокультурные начала выступают эффективным механизмом адаптации инновационных импульсов, поступающих в общественную систему. Это подтверждает и сравнительный анализ модернизационных процессов в России и Китае, и если в отечественном измерении это была «модернизация рыбка», то в опыте Поднебесной это системно-стратегическое планирование изменений.

Ключевые слова: политический порядок, традиция, модернизация, духовно-нравственные основы, риски, Россия, Китай.

Вопрос о развитии обществ и перспективах государств в условиях нарастания информационного разнообразия и рискогенности определяется построением политических стратегий и принятием эффективных решений [1, с. 126]. В условиях многообразия глобального общества особую актуальность получает вопрос о диалоге культур и цивилизаций, способных оказать решающее влияние на формирование многополярности этого мира. Ключевой темой в этом контексте оказывается вопрос о политическом порядке и его социокультурном измерении. Политический порядок как совокупность факторов (действий, условий), направленных на урегулирование политических процессов, эффективное существование и развитие политической системы общества,

характеризуется, по мнению А. И. Демидова, следующими эффектами: согласованностью элементов, эффективностью ресурсов, безопасностью функционирования, а согласно А. И. Парфенову, «если власть нормирована, а ее воздействие носит системный характер, мы можем говорить о наличии социального порядка» [2, с. 22].

Сама сущность политики заключается в направленности на упорядоченность политических процессов и институтов, что обеспечивает стабильность и эффективное функционирование социально-политических систем. Необходимость согласования разнообразных и противоречивых социальных интересов и построения интегрирующего вектора развития создает в то же время потребность в преодолении возникающих противоречий. Тенденции упорядочивания и хаотизации являются фундаментальными характеристиками и определяют амбивалентную сущность политического. Огромную роль в вышеупомянутых процессах играют социокультурные факторы, оказывающие непосредственное влияние на политический порядок, ритмику и динамику социальных изменений [3].

В анализе опыта России и Китая такой актуальной проблематикой выступает тема духовных оснований политического порядка. В китайском и российском измерениях мы обнаруживаем сильное влияние духовно-нравственных основ, находящихся свое выражение в менталитете, традициях, нравственных нормах, на структуру и динамические состояния политического порядка. Это влияние взаимно: власть влияет на социокультурный поряд-

док общества, становясь фундаментальной темой интеллектуального опыта народов.

Власть, ее модель функционирования и воспроизводства способны институционализироваться в случае ее легитимации. История политической власти в России и Китае показывает доминирование типа традиционной легитимации, когда наличный социально-политический порядок воспринимается как легально единственно возможный. Религиозно-сакральные основания политического порядка выступают основаниями власти, что обнаруживается нами в опыте российской и китайской традиции, где сакральная религиозность легитимирует политического лидера. Как было отмечено, монарх как «Сын Бога», «Сын Неба» не только является носителем уникальных, «чудотворных» для государства и общества свойств, но и выступает транслятором высшей воли.

Исторически власть в российском сознании и мировоззрении изначально наделяется универсальным статусом, что находит свое выражение в многообразии семантических фигур и конфигураций. Соединенность с Богом, божественной волей и восприятие через сакральное измерение – черты фундаментальности и универсальности власти. Именно божественное измерение становится ключевым в определении власти как генерального института и ценности социальных отношений. В нашем национальном фольклоре четко фиксируются пословицы, поговорки, фразы из литературных сюжетов: «Власть Господня», «Господня воля – наша доля». Царь, олицетворяющий власть как сакральный комплекс духовно-социальных сил и отношений, является одним из рабов Божьих, поставленный Абсолютом над другими с целью заботы о своих подопечных. Царь – это, прежде всего, христианский государь. Фигура царя была максимально персонифицирована, что позволяет говорить о «семейной» модели, когда царь-бабушка должен заботиться о чадах-людях, ему вверенных. Здесь очевидна сакрализация семьи, одного из ключевых социальных институтов, взаимодействующая с русской религиозной традицией. Бог-Отец и Царь-Бабушка представляли собой интегрированную конструкцию, придающую власти стабильность, гарантируя социальную упорядоченность. Как и отношения в семье, так и отношения между царем и народом должны складываться на доверии, любви. Семья становится главнейшим институтом воспроизводства общества, поддерживает социальные структуры и порядок в нём, воспроизводит общественные отношения. Определяющим является нравственное измерение семейного бытия: «Благочестие же в семье служит основанием прочного благосостояния государства» (Св. прав. Иоанн Кронштадтский).

Политический порядок во времена Древнего Китая, согласно мифологии, основывался на четком структурировании мира, состоящего из подземного царства, земли, которая вмещает существование всего живого, из тридцати шести небес. На самом верхнем, тридцать шестом небе в роскошном дворце живет Верховный владыка, Нефритовый государь, сидящий на троне тридцать шестого неба и являющий собой образец бесстрастия и эмоциональной непоколебимости. Небо выступает высшей силой, выполняющей контролирующую и координирующую функции, передавая полномочия Сыну Неба – китайскому правителю. Его предназначение, миссия заключается в упорядочивании мира, завершении посредством наставничества духовной трансформации человеческой природы. Правитель реализует ключевые задачи по гармонизации мира, формируя как социокультурный порядок, так и политический.

Изначальная этизация правителя и его деятельности – центра стабильности системы, нравственно-этический фактор мыслей, поступков и поведения лидера определяют эффективность властных отношений и транслируют нравственные нормы как основы политической упорядоченности и целесообразности: «Правитель – основа для подданных. Когда правитель ясно показывает, что должно быть сделано, управление идет хорошо; когда правитель прям и искренен, подданные честны и старательны; когда правитель справедлив и поступает правильно — подданных легко исправить» [4, с. 86]. Здесь можно говорить о формировании следующей модели политического порядка, воспроизводящей алгоритмы общественного сознания китайцев: «*небесное – политическое – семейное*». Порядок выстраивался на основе взаимодействия между младшими и старшими, правителем и подданными, опираясь на ключевые паттерны социокультурной системы Китая: «*небесное–земное*», «*старший–младший*», «*правитель–поданный*».

Интеграция религиозного и политического в российском измерении базируется на принципе симфонии властей, светской и духовной, соборности – принципе принятия решений на основе согласия и единства всех здоровых народных сил в понимании общенациональных задач, а также на особом осмысленном самодержавии и понимании власти как служения. В то же время государство и народ должны быть в послушании у царя, если он сам хранит правоверие, не противоречит Христу. В противном случае народ имеет право отказаться от такой власти. Решение, аналогичное российской традиции, мы обнаружим впоследствии в позиции, транслируемой Конфуцием: если император несправедлив, не обладает добротой и

человеколюбием, т.е. отходит от этических начал, то возможно сопротивление ему со стороны подданных. Этическое выступает критерием правильной власти для Китая, и религиозное – основой этики власти для России.

Взаимодействие религиозного и политического в контексте российской действительности имеет прочное историческое основание. Например, доминантой сознания русского и российского человека была религиозная составляющая, не исключаящая, а, наоборот, гармонично включающая в себя осознание и понимание политической реальности. Именно интенции религиозного сознания послужили субстратом для идеологической «перенастройки» и превращения его в духовную опору новой советской власти. Такую интенсивную динамику перехода из религиозного в политическое состояние можно объяснить также внутренним сходством некоторых позиций марксизма с идеологическим комплексом под названием «соборность» – мистического единства рода человеческого, воплощением которого являлась коллективистская тотальность русской деревенской общины – мира. А сама идея «соборности» коррелировала с идеалами «единства», «общности», «народовластия».

Для российского и китайского обществ, в отличие от западноевропейской культуры, где политическая культура фундируется либерально-демократическими принципами, транслируя идеи индивидуализма, свойственны ориентации на традиционализм, коллективизм, патернализм, религиозность. Традиции в китайском опыте играют ключевую роль в конструировании политико-государственных отношений, их потенциал позволяет освоить и адаптировать инновационные импульсы, поступающие в общественную систему. Это позволяет сохранить, с одной стороны, многообразие – социальное, культурное, а с другой стороны, обеспечивает унифицированные формы власти, политики и управления.

На примере воздействия факторов модернизации на социальный порядок и духовные основы общества можно рассмотреть российский и китайский опыт. Модернизация сегодня – это не просто процесс осовременивания обществ, но императив их успешной конкуренции, а также выживания. Очевидны сформированные и реализуемые различные модели модернизации, которые следует внедрять при условии их соответствия социокультурным параметрам и факторам определенных государств. Модернизационные преобразования не только преобразуют прежний социально-политический порядок, но в их процессе должны формироваться новые институты. Отметим тот факт, что традиции культурно-исторического наследия Китая и России оказывают определяющее влияние

на формирование модернизационно-реформаторских стратегий. Обе страны, пребывающие в состоянии незавершенного модерна, решают задачи синтеза вызовов глобального мира и ресурсов национальной духовной культуры. Так, российские китаеведы М. Л. Титаренко, С. Л. Тихвинский, А. В. Виноградов пишут, что Поднебесная, «опираясь не только на объективные социально-экономические предпосылки модернизации, но также на специфически китайское прочтение постиндустриальной системы ценностей, основанное на избирательно-селективном механизме культурной традиции», избирает уникальный путь модернизации [5, с. 57].

Российский опыт свидетельствует о «догоняющей модернизации», а по характеру динамики это – революционно-модернизационный тип преобразований. «Модернизация рывка» – процесс, требующий колоссального напряжения как духовных, так и материальных сил при отсутствии системно-стратегического планирования изменений. Модернизация в китайском измерении отличается гармоничностью, постепенными изменениями. Это закономерно следует, в первую очередь, из стратегического характера изменений, реализация которых осуществляется в соответствии с принятой генеральной линией развития, а постепенный характер преобразований коренится в самой ритмике социокультурного процесса Поднебесной, где приоритетную роль играют принципы гармонии, единства, преодоление крайностей и противоречий в совокупности с нравственным ресурсом.

Модернизация – амбивалентный процесс, в котором неизбежно проявляются противоречия, а генеральной установкой является преодоление возникающих дихотомий, что свидетельствует, в свою очередь, об адаптации сознания транзитивного общества к скорости и качеству изменений. Процессы российской модернизации, ее амбивалентные состояния сопряжены с социокультурными основаниями, когда формировались дилеммы развития, связанные с проявлением противоречий: западное и восточное, инновационное и инерционное. Подчас неорганичное и негармоничное механическое заимствование новых ценностей и идей подкреплялось отсутствием новых институциональных образований в политике, экономике, праве. Такое взаимодействие подчас конфликтно и коренится в амбивалентном бытии русской культуры и русского национального сознания.

Характерным модернизационным эффектом, связанным с мировоззренческими основами модернизации Китая, можно считать преодоление противоречий, возникающих в процессе преобразований. Согласно Ту Вэймину, Поднебесная адекватно восприняла неизбежные дилеммы модернизации: «капитализм/социализм», «сель-

ское хозяйство/промышленность», «восточная культура/западные ценности» и др. Идея особого национального пути, а отнюдь не «проекта» модернизации, разворачивающегося в долгосрочной перспективе, убежденность в следовании своей культурной уникальности определили эффект снятия противоречий. Согласно Ту Вэймину, «мы находимся в довольно сложном положении, нам предстоит преодолеть три преобладающие, но устаревшие дихотомии: “традиционное – современное”, “западное – незападное”, “локальное – глобальное”» [6, с. 236–250.]. Также Китай успешно решает нравственную дилемму противопоставления долга-справедливости и пользы-выгоды, что приобретает особую актуальность в условиях современной экономики, соответствующей при совпадении с интересами общества долгу.

Рассмотрим этатизм и этизм модернизации. В опыте России и Китая власть выступает генератором изменений, они идут «сверху», модернизационные усилия были инициированы институтом государственной власти. Формирование модернизационного порядка как конструкции системно взаимодействующих институтов на основе духовно-нравственных ценностей в Китае невозможно было без института государства, который получает мощный ресурс поддержки у общества, а сильный бюрократический аппарат эпохи Мао был адаптирован к модернизационным задачам конца XX – начала XXI в. В опыте России и Китая мотивированность должна быть сформирована у властных элит, выступающих в качестве генераторов модернизации. В ходе китайской модернизации для каждой социальной группы был найден мотиватор, обеспечивающий участие и включенность в модернизационные процессы. В российском измерении проблема заинтересованности в модернизации обнаруживается у элиты, представленной бюрократией, интегрированной с бизнес-структурами, собственниками сырьевых компаний, «силовиками».

Этатистское измерение китайской модели модернизации характеризуется активным участием авторитарно-централизованного государственного аппарата, обеспечивающего социальную стабильность преобразований. Централизованность и жесткая регуляция ресурсов бюрократической машины в условиях китайского социума позволили и позволяют в настоящем контролировать изменения, что в процессе модернизации является приоритетом развития. В отличие от России, конфуцианство как главный элемент традиционной китайской культуры становится духовной основой модернизации: акцент делается на постоянном воспроизводстве. Это находит отражение в «линейно-лучевой конфигурации категориального алгоритма» [7, с. 37].

Универсальность конфуцианства как корпуса этических принципов, позволяет ему функционировать в качестве духовно-нравственного фундамента социальной жизни при различных политических режимах. Этический ресурс конфуцианства обращен в особенности к субъектам власти, призывая их к нравственному совершенству в условиях модернизации, и может быть сам модернизирован и адаптирован к меняющейся реальности. Духовный потенциал конфуцианства выступил как средством контроля власти, так и ресурсом самой власти, а коммунистическая идеология стала ресурсом, обеспечивающим властным элитам возможность модернизации, ее легитимность. Постоянное участие государства позволяет обеспечить преемственность культурной традиции [8, с. 126, 128.]. Так, Мао Цзэдун в мае 1941 г. в публикации «Перестроить нашу учебу» соединяет позицию китайской традиции «стремиться к реальности, стремиться к делу» с идеей «реалистического подхода к делу» и даёт следующую интерпретацию: «тот добьется истины, кто занимается реальными делами» [9, с. 93].

Безусловно, любая версия модернизации несет в себе потенциал трансформации существующего социального порядка в его социокультурном, политическом, экономическом выражениях. Риски модернизации для таких обществ, как Россия и Китай, очевидны – индивидуализация (при коллективистских ориентациях национальных культур), детрадиционализация и др. Модерн как отрицающая прошлое современность преодолевает сложившийся социокультурный порядок, стремясь сформировать новые институты. В то же время модернизация, как показывает анализ российского и китайского опыта, невозможна без опоры на базовые ценности, паттерны, нормы, присущие цивилизациям, отличающимся культурной сложностью и социальным многообразием.

Если китайская культура обеспечивает тесную интеграцию гуманистических и нравственных ценностей с практикой социальных преобразований, то преобразования в России характеризуются слабостью этических регуляторов функционирования социально-экономических институтов. Падение регулятивной роли традиционных норм оказалось слабо компенсированным повышением роли универсалистских ценностей и моделей социального действия. Сложился невысокий уровень доверия к «безличностным» институтам, основанным на универсалистских ценностях, снизилась их легитимность. Российскую модернизацию в значительно большей степени отличает от китайской высокий уровень фрагментированности институционального пространства модернизации, который был создан в

ходе различных попыток преобразования общества, осложняющихся неоднородностью и наличием институциональных барьеров.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ «Духовно-нравственные основы межкультурного диалога России и Китая в условиях глобализации» (проект № 12-33-09003 а).

Список литературы

1. Орлов М. О., Данилов С. А. Роль коммуникации в политической жизни современного общества // Философия и общество. 2008. № 4. С. 126–131.
2. Парфенов А. И. Феноменология социального порядка. Саратов, 2012. 176 с.
3. Устьянцев В. Б., Орлов М. О., Данилов С. А. Очерки социальной философии: пространственные структуры, порядок общества, динамика глобальных систем / под ред. проф. В. Б. Устьянцева. Саратов, 2010. 248 с.
4. Рубин В. А. Личность и власть в древнем Китае. М., 1999. 384 с.
5. Анохина В. В. Культурные традиции и парадоксы модернизации современного Китая // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 3: Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 2009. № 1. С. 52–53.
6. Ту Вэймин. Множественность модернизаций и последствия этого явления для Восточной Азии // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М., 2002. 320 с.
7. Рожков В. П. Динамика философского сознания России и Китая: проблема алгоритмов // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13, вып. 3. С. 34–38.
8. Доронин Б. Г. Китайская цивилизация: проблемы преемственности: в 2 ч. // 30 лет реформ в КНР: опыт, проблемы, уроки: тез. докл. XVII Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». М., 2008. Ч. 2. С. 126–132.
9. Социализм с китайской спецификой (Чжунго тэсы шэжуй чжуи). Пекин, 2004. 530 с.

Spiritual Foundations of Political Order in Russia and China Experience

S. A. Danilov

Saratov State University

83, Astrakhanskaya, Saratov, 410002, Russia

E-mail: danilovsa@info.sgu.ru

Article is devoted to the influence of spiritual foundations of the political order and modernization development companies. In the center is a comparative analysis of historical experience and prospects of Russia and China. The article is devoted to the impact of spiritual foundations on the political order and development of society in terms of moderniza-

tion. Historical experience and prospects of Russia and China are in the center of the comparative analysis. Religious, spiritual and moral factors that determine the structure of political order and its dynamic state are analyzed. The fact that societies specific for Russia and China focus on traditionalism, collectivism, paternalism, religiosity is also determined. These sociocultural principles perform an effective mechanism to adopt innovative impulses which enter the public system. It is confirmed by comparative analysis of the modernization processes in Russia and China. While the Russian practice offers «modernization breakthrough», the experience of «Celestial Empire» is based on systemic and strategic. **Key words:** political order, tradition, modernization, spiritual and moral foundations, risks, Russia, China.

References

1. Orlov M. O., Danilov S. A. Rol kommunikatsii v politicheskoi zhizni sovremennogo obshchestva (The role of communication in the political life of modern society). *Filosofiya i obshchestvo* (Philosophy and society), 2008, no. 4, pp. 126–131.
2. Parfenov A. I. *Fenomenologiya socialnogo poryadka* (The phenomenology of the social order). Saratov, 2012. 176 p.
3. Ust'yancev V. B., Orlov M. O., Danilov S. A. *Ocherki socialnoy filosofii: prostranstvennye struktury, poryadok obshchestva, dinamika global'nyh sistem* (Essays in social philosophy: the spatial structures, the order of society, the dynamics of global systems). Ed. V. B. Ustyanceva. Saratov, 2010. 248 p.
4. Rubin V. A. *Lichnost i vlast v drevnem Kitae* (Personality and authority in the ancient China). Moscow, 1999. 384 p.
5. Anohina V. V. Kul'turnye tradicii i paradoksy modernizatsii sovremennogo Kitaya (Cultural traditions and paradoxes of modernization in contemporary China). *Vesnik Belaruskaga dzyarzhavnaga universityeta. Seryya 3: Gistoryya. Filasofiya. Psihalogiya. Palitalogiya. Sacyyalogiya. yekanomika. Prava* (Bulletin of the Belarusian State University. Series 3: History. Philosophy. Psychology. Politics. Sociology. Economy. Rights), 2009. no. 1, pp. 52–53.
6. Tu Vyeymin. Mnozhestvennost' modernizatsiy i posledstviya yetogo yavleniya dlya Vostochnoy Azii (Multiplicity of modernizations and consequences of this phenomenon for East Asia). *Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuyut obshhestvennomu progressu* (Culture matters. How values aid social progress). Ed. L. Harrison, S. Hantington. Moscow, 2002. 320 p.
7. Rozhkov V. P. Dinamika filosofskogo soznaniya Rossii i Kitaya: problema algoritmov (Dynamics of philosophical consciousness Russia and China: the problem of algorithms). *Izv. Sarat. Univ. New ser. Ser. Phylosophy. Psychology. Pedagogics*. 2013. Vol. 13, iss. 3, pp. 34–38.
8. Doronin B. G. Kitayskaya civilizatsiya: problemy preemstvennosti (Chinese civilization: the problem of succession). *30 let reform v KNR: opyt, problemy, uroki* (30 years of reform in China: experience, problems and lessons): tez. dokl. XVII Mezhdunar. науч. конф. «Kitay, kitayskaya civilizatsiya i mir. Istoriya, sovremennost', perspektivy». Moscow, 2008, vol. 2, pp. 126–132.
9. *Socializm s kitayskoy specifiko*y (Socialism with Chinese specifics). Beijing, 2004. 530 p.